

12+

Ларочка

Ольга Пустошинская

Ольга Пустошинская

Ларочка

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Пустошинская О.

Ларочка / О. Пустошинская — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Обычный блокадный день осаждённого фашистами Ленинграда.
Двенадцатилетняя Лара обнаруживает пропажу карточек на всю семью и
бросается на поиски. Проходит в арку своего двора-колодца и оказывается в
декабре 2019-го года.

© Пустошинская О., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Ольга Пустошинская

Ларочка

1

Ночь или раннее утро. Так тихо и спокойно, будто нет никакой войны. Город уже не бомбят, только обстреливают; в бомбоубежище, к счастью, ходить не надо, да на это просто нет сил.

Я лежу не шевелясь, плотно укрытая двумя одеялами. Стоит неосторожно повернуться, как в щели заползает холод, сковывает всё тело так, что долго не получается согреться снова. Может, из-за голода кровь бежит медленнее?

В темноте не видно часов на стене, но по ощущениям – около пяти утра, значит, скоро вставать в булочную. С двадцатого ноября на мамину и мою карточки дают всего по сто двадцать пять грамм хлеба. Папа по рабочей получает двести пятьдесят. Хлеб тёмно-коричневый, тяжёлый и влажный, с запахом машинного масла, которым смазывают формы. Говорят, что в него добавляют жмых, отруби, целлюлозу, хвою, соевую муку... Мы и такому рады, и такой кажется вкуснее всего на свете. Хлеб – это жизнь. В блокаду каждый ленинградец между хлебом и жизнью ставит знак равенства.

Мама, да и мы тоже, поначалу слишком легкомысленно отнеслись к войне. Считали, как и многие, что война долго не продлится – несколько месяцев от силы, что хуже не будет. Поэтому и не стали эвакуироваться, когда была возможность. Только мой старший брат настоял, чтобы его жена с ребёнком уехали из Ленинграда на Урал.

Мы не сделали никаких продуктовых запасов, даже хлеб не каждый день выкупали. Его было слишком много, весь не съедали. Сейчас это кажется диким: как это – слишком много хлеба? И почему не догадались порезать на кусочки и посушить? Как бы эти сухари пригодились сейчас!

Кое-что из круп у нас всё-таки было. В деревянном старом буфете стояли стеклянные банки с рисом, гречкой, перловкой, чечевицей и пшеном, да ещё было килограмма два или три муки и сахара.

К сожалению, наши запасы слишком быстро кончились, даже чечевица, которую я не любила, и к ноябрю мы все заметно похудели, особенно папа. Голод оказался гораздо страшнее бомбёжек. Его не перетерпишь, как налёт, от него никуда не деться, он всегда с тобой...

Сегодня воскресенье, в школу идти не надо. Несмотря на блокаду, обстрелы и голод, мы продолжаем учиться. После уроков нас кормят обедом (жидким крупяным супом с хряпой) и отпускают по домам. Если вы не знаете, что такое хряпа, так я объясню. Это верхние капустные листья, которые обычно снимают с кочана, но сейчас, в блокаду, едят всё.

Я очень тревожусь за папу. Мы с мамой ещё крепимся, хотя я от голода плохо соображаю, и часто кружится голова, а отец сильно сдал: у него распухли ноги и начался голодный понос. Стаканчик рису сотворил бы чудо, да только где его взять? В магазинах пустые полки, исчез даже яичный порошок и студень.

Мы променяли на продукты все ценные вещи: золотые украшения, серебряные ложечки, папин хороший костюм, шёлковые отрезы, из которых так и не сшили платья.

Помню, как мы отправились на рынок с красивыми золотыми серёжками с красными камешками. Медленно ходили туда-сюда, мама держала серьги за продетую в дужки тесёмочку. К нам приблизилась краснощёкая упитанная женщина в шубе и тёплом пуховом платке, цепким взглядом посмотрела на золото.

Спекулянтов ненавидели едва ли не так же, как фашистов, но заискивали, потому что у них были продукты.

– Что хотите? – спросила женщина, выпуская изо рта облачко пара.

– А что вы дадите? – спросила мама каким-то не своим, тонким голосом.

– Греча. Кило.

Серьги скрылись в кармане спекулянтки, а мы вернулись домой с кульком гречки. Оказалось, что очень хорошо обменяли серёжки, в другой раз нам за кольцо предложили вдвое меньше.

– Ларочка! – слышу я громкий шёпот. – Пора в булочную.

Я вижу, как тихонько, чтобы не потревожить отца, встаёт мама. У него сегодня тоже выходной, пусть поспит – отдых необходим так же, как и еда.

Наши кровати расположены буквой «п» вокруг печки, купленной на рынке ещё в октябре. Когда времянка топится, в её нутре что-то гудит и потрескивает, верх краснеет, труба, выходящая в форточку, нагревается, давая дополнительное тепло.

Мама аккуратно растапливает печь и ставит чайник, а я ещё немного лежу. До чего же не хочется вставать! В комнате так холодно, что стынут руки, если их вытащить из-под одеяла. Поднимаюсь, натягиваю на себя свитер и толстые штаны, умываюсь тёплой водой из чайника. Надеваю шапку и шубу, проверяю в кармане карточки. Я то и дело запускаю руку и ощупываю их, потому что потерять талоны равно смерти.

Спускаюсь по холодной тёмной лестнице во двор. Осторожно и медленно, потому что в подъезде ещё и очень скользко. Канализация не работает, воды нет, а у многих жильцов нет сил выносить горшки во двор.

На улице такой мороз, что не даёт дышать, наваливается, прижимает к земле. Медленно, сберегая силы, я иду по тропинке между высокими, почти в мой рост, сугробами к подворотне.

Булочная, к которой мы прикреплены, находится недалеко, в огромном угловом доме. На проезжей части – глубокие колеи, наезженные машинами, которые мне приходится переползать. Я снова выхожу на тропинку, минуя двухэтажный дом и приближаюсь к булочной, возле которой уже собралась небольшая тёмная очередь. Магазин ещё закрыт, приходится ждать. Люди стоят на морозе неподвижно, чтобы не тратить зря силы. Даже когда объявляют воздушную тревогу, очередь не шевельнётся, людей приходится загонять в бомбоубежище силой.

Но вот внутри слышится шорох, лязгает замок, продавщица с трудом, наваливаясь всем телом, открывает тяжёлую дверь.

После улицы в булочной почти тепло, на полках лежат буханки, как же их много! От хлеба идёт такой аппетитный запах, что снова кружится голова, а ноги становятся ватными. Я прислоняюсь к прилавку, чтобы переждать дурноту. Словно через пелену вижу, как продавщица берёт у первой покупательницы карточки, быстро вырезает ножницами талоны, режет большим ножом хлеб, бросает на весы... Она быстро и ловко работает, не делая ни одного лишнего движения.

Доходит очередь и до меня. Стрелка весов самую чуточку отклоняется от отметки «500», но продавщица не отрезает от пайки кусочек и кивает, чтобы забирала.

– Спасибо...

Ах, как жаль, что нет довеска, который можно съесть по дороге, чтобы хоть чуть-чуть унять этот голод, а от целого куска я отщипнуть не решаюсь, потому что не смогу остановиться. Есть такие, кто не выдерживает пытки голодом и съедает свою порцию сразу же, не выходя из магазина, обрекая себя на ещё большие муки. Скорее бы домой, скорее бы завтракать!

Я снова переползаю колеи на дороге, иду по тропинке между сугробами, захожу во двор, в подъезд... На лестнице приходится часто отдыхать. Это раньше я мигом взлетала на третий этаж, прыгая через две ступеньки. Сейчас иду медленно, поминутно останавливаясь.

Дверь в нашу квартиру не заперта – это для того, чтобы маме не ходить лишний раз открывать, не тратить силы. В комнате весело гудит раскалившаяся докрасна времянка и кипит чайник. Я протягиваю к печке замёрзшие руки, чувствуя живое тепло. Как чудесно просто согреться, сидеть отдыхая в блаженном ничегонеделанье.

Мама берёт принесённый кусок хлеба и делит его на три части. Одну часть оставляет на столе, две другие заворачивает в чистенькую тряпочку и прячет в буфет. Там давно нет никаких запасов: ни круп, ни муки, ни сахара, только бутылочка хлопкового масла, да и того осталось совсем чуть-чуть, на доньшке.

Мама режет хлеб на тоненькие кусочки, наливает в чашки кипяток. Достает бутылочку, открывает пробку и аккуратно капает по несколько капель на хлеб, размазывает ложкой. Если сверху ещё чуть посолить, то получается очень вкусно, совсем как до войны.

Папа ещё лежит в кровати.

Мама нерешительно топчется возле него, но всё же трогает за плечо:

– Толя, пойдём завтракать... горяченького попей... Или полежишь ещё?

Папа с трудом встаёт, засовывает распухшие ноги в валенки. Лицо у него одутловатое и бледное до синевы.

Я снимаю шубку и вешаю на спинку стула, присаживаюсь к столу. Придвигаю к себе блюдо с хлебом и чашку. Мы едим, откусывая крохотные кусочки, медленно пережевываем и запиваем кипятком. И для меня, и для мамы, закутанной в пуховый платок, и для отца сейчас нет ничего важнее хлеба.

– Хорошо бы обменять мою шубку на крупу, – покончив с завтраком, говорю я. – За неё можно получить кило риса.

Мама долго молчит, вздыхает:

– А ходить в чём будешь?

– В твоём ватнике, он тёплый.

– Он тебе велик, мёрзнуть будешь... Да и не дадут столько за искусственную шубу.

Мама права, конечно. Но как же быть с папой?

– Витя приходил? – хрипло спрашивает отец, едва шевеля губами.

– Нет...

Брат Виктор обороняет город и иногда приходит нас навестить, приносит что-нибудь из своего пайка.

Я встаю, чтобы повесить шубку на вешалку, машинально запускаю руку в карман, проверяя на месте ли карточки, и с ужасом понимаю, что их нет внутри. Всё ещё не веря в страшное, ищу в другом кармане... Они обязательно должны быть там, иначе лучше сразу умереть!

В другом кармане карточек тоже нет. Будто во сне вижу папу с чашкой кипятка, маму, моющую посуду в небольшом тазу...

Надо искать карточки, наверняка я обронила в магазине или на тропинке, когда доставала варежки, вдруг их ещё никто не подобрал?

– Ларочка, ты куда? – Мама заметила, что я снова одеваюсь.

Бормочу:

– Я сейчас...

– Зайди в магазин, вдруг там выбросят что-нибудь.

Не с чем мне идти в магазин, если не найду карточек.

Медленно, пристально глядя под ноги, тащусь по лестнице, выхожу во двор-колодец. Шаря глазами по сугробам, направляюсь к арке. Талонов нигде не видно. Господи, пожалей меня!

Наверно, я говорю это вслух, потому что идущая навстречу женщина странно смотрит в мою сторону. Да всё равно!

– Вы не находили карточки? – бросаюсь к ней.

– Нет, ничего не находила... Карточки потеряла? – сочувствует женщина. – Вот горе-то, вот горе...

Господи, пожалуйста, не дай нам умереть, ведь без карточек мы все обречены. Если Витя будет приносить свой хлеб, то и он умрёт: одного пайка не хватит на четверых. Боже, помоги мне!

Я бегу, если это можно назвать бегом, к выходу со двора, ноги стали ватными и слабыми, голова кружится...

Потом я много раз спрашивала себя: почувствовала ли что-нибудь необычное, не насто- рожило что-то? Нет, ничего такого не почувствовала, а может, в горячке просто не заметила.

Но всё изменилось в один миг. Шумно, очень шумно... Мимо меня проносились машины, много машин. Они странные, никогда не видела таких. Проспект, по которому я час назад переползала через снежные колеи, совершенно чист. Снега почти не было, кроме неболь- ших белых островков под деревьями. Ведь только что лежали целые горы, я старалась не осту- питься в сугроб, чтобы не зачерпнуть валенками!

Пропали дощатые бункеры и мешки с песком, которыми были заложены окна, и сами здания изменились. Моргают светофоры... откуда они взялись, откуда электричество?

Мне навстречу спешили люди. Шли по-здоровому быстро и весело, не сберегая сил. Я давно, очень давно не видела, чтобы ленинградцы так ходили. У нас была особая блокадная походка с наклоном вперёд, будто против ветра, мы тащились, едва переставляя ноги.

У этих людей румяные лица, а не зеленовато-бледные, они без шапок – и не чувствуют мороза. Впрочем, стало значительно теплее и светлее.

Какой-то мальчик лет семи остановился, с любопытством изучая моё лицо и одежду. У него румяные пухлые щёки, красивая синяя куртка из блестящей ткани и добротные сапожки.

«Мне всё это снится, – подумала я, – таких людей в блокаду не бывает, таких машин не бывает...»

Мальчик пошарил в кармане и достал... мандарин!

– С Новым годом! – сказал он и протянул оранжевый пахучий шарик.

– Спасибо...

Это точно сон, но какой приятный! Я понюхала мандарин, и от запаха снова закружилась голова, рот заполнился слюной. Не удержалась и впилась в кожуру зубами, откусила и жевала, чувствуя, как течёт сок по подбородку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.